

УДК 82-6

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-2-89-101

ХАЛАТ КАРАМЗИНА*

Сапченко Л.А.

*Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова
432700, Ульяновск, площадь 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, д. 4, Россий-
ская Федерация*

Аннотация. В статье показано, что фраза Карамзина о своей любви к «азиатским халатам» (из письма к П.А. Вяземскому) и другие упоминания об одежде связаны с темой внутренней независимости, переменами в судьбе и мировоззрении, с преобразованием всего облика человека, с темой свободы и принуждения. Домашняя одежда превращается в философский символ, имеющий сложную семантику: пренебрежение к житейской суете, апология свободы и покоя, медленные труды в своём углу, разочарование в европейской цивилизации, интерес к восточной культуре и её вековым традициям. Мотив одежды переплетается с мотивом моды как бесконечных бессмысленных преобразований, в том числе и политических, диктуемых лишь желанием обновления.

Ключевые слова: наследие Н.М. Карамзина, роль и символика одежды, художественно-философская семантика образа халата.

KARAMZIN'S BATHROBE

L. Sapchenko

Ulyanovsk State Pedagogical University

*4, Ploshchad 100-letiya so dnya rozhdeniya V. Lenina, Ulyanovsk, Russian Federation,
432700*

Abstract. The article shows how Karamzin's references of clothing, including his "love of Asian-style dressing-gowns" (in his letter to P. Viazemsky), are connected with the theme of internal independence, changes in life and outlook, and transformation of the entire image of the person. Home clothing becomes a philosophical symbol with complex meanings: contempt for hollow vanities, apology of freedom and peace, unhurried creative work in the comfort of one's home, disappointment in European civilization, interest in Oriental culture with its centuries-old traditions that ensure stability. The motif of clothing intertwines with that of fashion as endless and meaningless transformation (in politics too), for the sake of renovation alone.

Keywords: N. Karamzin's heritage, the significance and symbolism of clothing, artistic and philosophic semantics of the bathrobe.

© Сапченко Л.А., 2016.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Номер проекта 15-04-00494 "а" «Н.М. Карамзин: энциклопедический словарь»

Роль и символика одежды и моды, их значение в **modus vivendi** и произведениях искусства постоянно привлекают внимание исследователей из разных областей знания. «...Одежда выступает в роли активного начала. Под её воздействием происходит трансформация персонажа – переодевание выполняет функцию изменения-определения его экзистенциальной сути» [27, с. 80]. В литературоведении существует немало работ на данную тему. Так, целый ряд статей посвящён образу халата в произведениях русских писателей: Г.Р. Державина, П.А. Вяземского, Н.М. Языкова, А.С. Пушкина, И.А. Гончарова и др. Достаточно полно и глубоко освещена художественная функция образа халата, выстроена обширная парадигма его поэтических значений [26]. Так, в хронике конференции «Семиотика поведения и литературные стратегии» (2014) сообщается, в частности, что доклад Т.Н. Степанищевой «Два халата князя Вяземского» вызвал бурное обсуждение, «сведшееся в основном к умножению числа литературных халатов, “ленивых”, и “трудоуемых”; гардероб раздвинулся так широко, что было высказано даже предложение устроить конференцию по “сравнительному халатоведению»» [24].

Сопоставляя стихи П.А. Вяземского «Прощание с халатом» (1817) и Н.М. Языкова «К халату» (1823), Н.Л. Ермолаева пишет: «Мотивы этих произведений родственны: оба поэта воспевают халат как “одежду праздности и лени”; это “товарищ неги праздной, Досугов друг, свидетель тайных дум”. Халат в их стихах – одежда поэта, отказавшегося от “гостиной ливреи»» [2, с. 47–48].

«В “Прощании с халатом” (21 сентября 1817) впервые появляется образ “халата” как некоего одевающего всю человеческую жизнь мечтания, как оболочки внутреннего мира, совпадающего с миром вообще», – отмечает А.В. Моторин [18]. А.П. Рассадин указывает на духовное родство облечённых в халат поэта Языкова и гончаровского Обломова [23].

Однако в работах о «литературных халатах» не упоминается имя Н.М. Карамзина, который также использовал символику этого одеяния, наделяя его как привычным, так и особенным, карамзинским, смыслом.

Одежда вообще и её отдельные элементы прочно связаны в произведениях и письмах Карамзина с темой перемен: сменой времён года, поворотами в судьбе и мировоззрении, преображением всего облика человека, его зависимости или свободе.

Каков же был «литературный гардероб» Карамзина? Кафтан, шуба, рыцарские перчатки, греческая мантия и хитон, мундир историографа с орденскими лентами, шлафрок, камзол, сюртук, чёрный фрак с Анненскою звездою, «азиатские халаты» (здесь и далее выделено мной. – Л.С.).

Жалуясь на холодную московскую весну в письме к И.И. Дмитриеву от 18 мая 1788 года, он пишет, что «в одном кафтане нельзя ходить» [8, с. 6], а 20 апреля 1814 года сообщает о резком похолодании в Петербурге: «У нас вторая зима и шубы возвратились на плеча» [8, с. 180].

Однако упоминания об одежде редко связаны у Карамзина с капризами погоды. В посланиях к Дмитриеву 1790-х годов, в жанре «литературного письма», чаще присутствуют значащие

детали условных костюмов, выражающие ироническое отношение пишущего к теме разговора: рыцарская перчатка адресанта, парик («а la Titus», «а la Brutus», «а la Caracalla») [8, с. 107] и парадная шляпа адресата. Чуждый воинственности, Карамзин иронизирует по поводу Дмитриева, находящегося в военной службе: «И так друг мой, болезнями отягчённый, забывает слабость свою и в энтузиазме спешит на поле сражения!

Сердце его бьётся скорее обыкновенного, кровь его волнуется, лицо покрывается свежим румянцем, на челе у него сияет мужество! Bravo, друг мой! Только позволь спросить, возьмёшь ли ты с собою в поход парики свои? Лучше не брать; парик придаёт важность профессору, а не воину. Может быть, потомки наши будут читать поэму под заглавием Шведская война, в которой ты конечно будешь играть не последнюю роль и где ты (NB. Есть ли не возьмёшь с собою в поход париков) будешь именован плешивым героем. Как громко это прилагательное имя!..» [8, с. 18]¹.

¹ Парик вообще вызывал особенное неприятие Карамзина. В «Вестнике Европы» за 1802 год он помещает публикацию («Из Архенгольцевой Минервы») под названием «Женские парики», где говорится, в частности: «В париках милые красавицы!.. О времена! О нравы! Марциал и Ювенал в своё время гремели против женщин, которые плешивую свою голову скрывали под чужими волосами: что бы сказали они, видя теперь молодую, стыдливую девицу, которая нежный лоб свой оскверняет волосами (почём знать?) какой-нибудь гнусной женщины, какого-нибудь злодея, убийцы? <...> И так скажем, что всякий парик есть безобразие, разрушая природную гармонию в чертах лица и переменяя вообще всю физиономию <...>» [3, с. 16]. См. также письмо к И.И. Дмитриеву от 13 июля 1824 г.: «Благодарю тебя, любезнейший, за предостережение от сквозных ветров: следую

Пренебрегая потенциальным критиком «Московского журнала» (А.И. Клушиным), Карамзин пишет Дмитриеву, желавшему литературной схватки: «Ужели ты, ты мог думать, что я приму от него перчатку и выйду на рыжке с ланцом?» [8, с. 28]². (Думается, что между строк письма можно прочесть имя Дон-Кихота, поскольку и для Карамзина, и для других его современников «Дон Кишот был воплощённой нелепостью» [1, с. 26]).

Предпочитая мир и покой, Карамзин вновь иронически отзывается о военных парадах и действиях: «Теперь прошу и молю бога, чтобы парадная шляпа твоя не возвращалась в Петербург; ей у меня тепло и хорошо», – пишет он Дмитриеву, забывшему, по-видимому, эту важную часть обмундирования в Москве. – Долго ли воевать? Пожалуйста, опиши в гармонической оде все прелести мира, и пошли её ко всем дворам; авось либо они перестанут ссориться. – Будем всё ещё надеяться, что парадная твоя шляпа не поедет обратно в Петербург» [8, с. 66].

Автор письма отдаёт явное предпочтение пространству дома, где «тепло и хорошо». Именно дома, у себя, человек может обрести покой и свободу, необходимые для творчества. Подходящей одеждой здесь становится восточный халат или же чуть более официальный европейский шлафрок.

В халате у себя дома принимает русского путешественника немецкий драматург Вейсе, в шлафроке предстаёт занятый письмами Лафатер, шлафрок

твоему совету, но парика ещё не заказал; моя плешивая голова не терпит крышки» [8, с. 374].

² ланц, м. lance f., нем. Lance <нем. lancea. устар. Конье)

присутствует также в описании домашнего кабинета Бюффона, автора много- томной «Естественной истории» (см. в «Пантеоне иностранной словесности» перевод Карамзина из Эро де Сешеля «Бюффон перед концом жизни»).

«Надобно заглядывать в общество, – пишет Карамзин в статье «Отчего в России мало авторских талантов», – непременно, по крайней мере в некоторые лета, но жить в кабинете» [13, с. 125]. «...Изображение именно здесь человека в колпаке и халате, сидящего за письменным столом, неслучайно» [15].

Одежда становится символическим образом в повестях и публицистике Карамзина. Греческая мантия и хитон в повести «Афинская жизнь» (1796) воплощают мечты автора о другой реальности: «Смейтесь, друзья мои! Но я отдал бы с радостью свой любимой тёмной фрак за какой-нибудь греческий хитон <...> – и в минуты приятных мыслей отдаю его – завёртываюсь в пурпуровую мантию (разумеется, в воображении) – покрываю голову большою, распушенною шляпою, и выступаю, в Альцибиадских башмаках, ровным шагом, с философскою важностию – на древнюю Афинскую площадь» [5, с. 27]. По контрасту к несбыточным мечтаньям появляется одежда печальной сущности: «О друзья! Всё проходит, всё исчезает! Где Афины? Где жилище Гиппиево? Где храм наслаждения? Где моя греческая мантия? – Мечта! мечта! Я сижу один в сельском кабинете своём, в **худом шлафроке**, и не вижу перед собой ничего, кроме догорающей свечки, измаранного листа бумаги и Гамбургских газет...» [5, с. 59–60].

Халату почти постоянно противопоставлен мундир, который Карамзи-

ну пришлось заказать, приняв на себя должность российского историографа. Однако облачаться в придворный костюм Карамзин не любил, и порой сам себе казался смешным в мундире с орденскими лентами. В воспоминаниях Пушкина читаем: «Однажды, отправляясь в Павловск и надевая свою ленту, он посмотрел на меня наискось и не мог удержаться от смеха. Я прыснул, и мы оба расхохотались...» [21, с. 306]. Карамзин будто смотрит на свой мундир со стороны, оглядывая себя так и сяк.

В 1816 году Карамзин отправился в Петербург, чтобы говорить с государем о печатании Истории. В письмах из тогдашней российской столицы одежда упоминается чаще, чем обычно.

Так, Погодин сообщает об эпизоде, ставшем впоследствии широко известным: «Великая Княгиня (по словам графа Ростопчина) сказала ему: *notre historiography court la ville, mais pour-quoi est-ce qu'on le cajole?* Он отвечал: *c'est qu'il est le sujsse de l'immortable!*» (Наш историограф рыскает по городу, но почему его так убажывают? Потому что он швейцар у ворот бессмертия) [20, II, с. 139–140]. **Швейцару, как известно, приличествует ливрея.** Но, обладая чувством собственного достоинства, Карамзин более всего желал быть самим собой и потому переодевание, изменение внешнего облика, облачение в мундир или ливрею сопровождалось у него остранением, ироническим раздвоением.

Так, 22 февраля 1816 года Карамзин пишет о себе в третьем лице, рассказывая жене о петербургском маскараде: «Муж твой сделался здесь героем: в одном маскарадном платье (Графа Румянцева) и в башмаках ходил по холодным коридорам, два часа сидел

в холодной комнате, чтобы смотреть фейерверка, и после, вышедши в поту из огромной залы опять в холодные сени, ни мало не простудился!» [7, с. 152]. Сообщает также о великосветских вечерах и раутах: «Ты хочешь знать мой туалет: распудрен, причёсан славно на 30 рублей в месяц, большую часть в чёрном фраке, в башмаках, и хоть куда! Находят, что я не так стар» [7, с. 154]. Очевидно, что и здесь присутствует взгляд со стороны, с внешней точки зрения, не совпадающий с собственным мироощущением автора письма.

Равнодушие государя к подготовленным томам и безразличие к приезду историографа вызвало в нём неодолимое стремление как можно скорее вернуться домой. Карамзин догадывается, что его ждёт к себе фаворит Александра I граф Аракчеев, который может ускорить дело, но обращение к вельможе кажется Карамзину унижительным. Наконец он получает от графа известие, что тот желает видеться с историографом. «Вообрази моё положение! – пишет Карамзин жене. – Не хочу никого оскорбить; но могу ли себе дать вид пролаза? <...> Между тем, **надев мундир**, я отнёс карточку к графу. Что будет далее, не знаю. Помогите нам Бог выпутаться из всех придворных обстоятельств с невинностию и честию, которыми я обязан моему сердцу, милой жене, детям, России и человечеству!» [7, с. 155–156].

Переодевание вообще делает чело века другим в эстетическом и нравственном смысле. Но в этом случае нет перевоплощения – это «целенаправленный маскарад, на который герой соглашается, оставаясь самим собой» [27, с. 80].

15 марта 1816 года Карамзин был принят императором, получил 60 000 на печатание «Истории...» (в Петербурге), чин статского советника и «право быть искренним» [7, с. 179–180]. 18 марта он был награждён орденом Анны I степени. 20 марта императрица Мария Фёдоровна подарила историографу перстень со своим изображением [20, II, с. 159]. 21 марта Карамзин сообщает жене, что государь пожаловал ему «ещё Аннинскую ленту через плечо, и самым приятнейшим образом» [7, с. 181].

В этот момент знаки царского благоволения (в виде Аннинской ленты и перстня) были ещё значимы для Карамзина, так долго ожидавшего признания своих трудов. Особенно важным было то, что историограф получил от императора свидетельство понимания того глубокого смысла, который был заложен в карамзинской «Записке о древней и новой России» (1811), вызвавшей неудовольствие Александра и охлаждение в отношениях между ними.

Но с каждым годом ленты и ордена становились всё более безразличны для историографа и воспринимались уже как часть стесняющего свободу мундира. Облачение в мундир становится для него тягостной необходимостью. 10 июня 1818 года он пишет брату В.М. Карамзину: «...Здесь теперь ожидают Императора и короля прусского. Надобно будет опять надеть мундир и пудриться...» [9, кн. 26, с. 658].

Между тем парадная одежда очень шла Николаю Михайловичу. К.С. Сербинович вспоминает: «В ноябре (1819), с возвращением в Петербург, я узнал о возвращении Карамзина из Царского Села и немедленно отправился к нему.

Он собирался на вечер, в чёрном фраке с Анненскою звездою: в этом наряде увидел я его в первый раз и очень любовался» [6, с. 116–117] (см. гравированный портрет работы Н.И. Уткина, изготовленный, предположительно, с работы А.Г. Варнека).

В 1824 г., хлопоча в верхах о мундире для Дмитриева, Карамзин задумывается: «Не попросить ли и мне Историографского, синяго с синим бархатным воротником? Шитых не люблю, а нынешние Дворянские как-то пестры и нескладны» [8, с. 388].

И всё же придворное облачение было тягостно для Карамзина: «Чтобы в мундире и в башмаках не ходить по бесконечным коридорам гатчинским», он заранее, за два дня до праздника, т. е. нарушая придворный этикет, поздравляет императрицу Марию Фёдоровну с днём рождения, пока она ещё не уехала из Царского Села, и спешит «к жене, не весьма здоровой, и к сыну Александру, также не здоровому» [8, с. 297].

Гораздо приятнее для него было оставаться в домашней одежде. «...Мы ходим здесь в шлафроках, а по праздникам в камзолах» [8, с. 239], – сообщает он Дмитриеву о своём обычном одеянии.

Одеждой для прогулок был у Карамзина сюртук, под который он для тепла подкладывал на грудь пачку бумаг. «Однажды государь заметил у него такую тетрадь, выдавшуюся из-под сюртука и, узнав причину, с улыбкою сказал: “А я думал, какой это у вас талисман?”», – вспоминает К.С. Сербинович [6, с. 155].

Жизнь вблизи царского двора тяготила историографа. Душой и мыслями он стремился в Москву, под сень Крем-

ля, где «и дружба, и покой, и независимость» [8, с. 249–250].

20 августа 1824 года он пишет П.А. Вяземскому (в связи с его возможным назначением в Одессу): «... Москва нравится мне для вашего житья-бытья лучше Одессы <...>. Вы пылаете холодным огнём к Европе, а я на старости люблю **азиатские халаты**: и Жан-Жак в 57 лет нарядился армянином! Для меня на вашем месте было бы раздолье в Москве, без долгов, в уютном домике, с женою и с детьми, с немногими приятелями, с стихами и прозою, с итальянскою оперою, с Английским клубом и с Остафьевым для перемены» [10, с. 156]. По всей видимости, Карамзин имеет в виду портрет Ж.-Ж. Руссо работы шотландского художника А. Рамзея (1713–1784), где философ изображен в восточном халате.

Упомянутые Карамзиным «азиатские халаты» неизбежно ассоциируются в сознании читателя с обломовским халатом, «из персидской материи, без всякого намёка на Европу». Пользуясь выражением Ю.М. Лощица, можно сказать, что здесь явно проглядывает «ориентальная линия», «философия покоя, настоящая на сентенциях античных мудрецов» [17, с. 192].

Конечно же, халат Карамзина, как и впоследствии халат Обломова, отнюдь не является бытовой деталью. Восточная одежда превращается здесь в своего рода философский символ, имеющий сложную семантику: пренебрежение житейской суетой, апология свободы и покоя, верность самому себе, разочарование в европейской цивилизации, создание собственного независимого пространства, противопоставленного ценностям окружающего мира. Но важно подчеркнуть,

что в случае с Карамзиным исключена поэтическая лень, сопутствующая традиционно-поэтическому образу халата: находясь в «халате», Карамзин погружён в свой каждодневный, упорный и кропотливый труд. Пушкин писал о нём как о человеке, «уединившемся в учёный кабинет, во время самых лестных успехов, и посвятившем целых 12 лет жизни безмолвным и неутомимым трудам» [21; 11, с. 57]. Близкий мотив отмечает Н.Л. Ермолаева в стихах Н.М. Языкова «П.В. Киреевскому», где перечислены важные для поэта добродетели: «Халат, рабочий стол и книги выписные» [2, с. 48]. **Халат становится образом творческой свободы и независимого образа мыслей.** Выдающиеся французские философы: «Вольтер, Дидро, Руссо – все они изображались в халатах» [15].

Образ халата связан также с «восточной» темой в карамзинском творчестве. «Русского путешественника» и издателя «Вестника Европы» разочаровал губительный путь европейской цивилизации, более важным стал для Карамзина не ветер перемен, а восточный менталитет, сохранение вековых традиций, которые осмысливаются историографом как залог стабильности общества, не допускающий резких, катастрофических перемен. Бессмысленной кажется ему «крайность некоторых преобразований, диктуемых желанием обновления...» [27, с. 82], модой. Привычки, традиции, «обыкновения» воспринимаются им как «знак безмолвного согласия граждан». Закономерно в «Вестнике Европы» появляется целая серия «восточных» материалов: «Новейшая история и статистические достопримечательности Китая» (1802. № 8), «Китайская

мудрость» (1802. № 21), «Китайские газеты» (1802. № 24), «О восточном и западном народе» (1803. № 1), «О свободе азиатских женщин» (1803. № 18) и др. Значительная часть материалов демонстрирует преимущество восточных обычаев над европейскими.

Параллельно этому сквозной темой карамзинских публикаций и писем становится «наше время», «нынешнее время», «нынешний век». В этом же ряду находится у него слово «мода», употребляемое всегда иронически. Мотив моды переплетается с мотивом одежды. «Эти два мотива образуют глубокий смысловой узел, в котором не только одежда, но и мода обозначается в своей сути, т. е. представляется не во внешних проявлениях, а в более скрытом, внутреннем, движущем её механизме» [27, с. 82].

Современность не получает у Карамзина однозначной оценки. Он приветствует успехи просвещения, но не принимает свойственной наступившему веку откровенности («лёгкой одежды модных красавиц» и беззастенчивых писаний под названием «Мои опыты», «Тайный журнал моего сердца» [13, с. 535]). В карамзинских письмах говорится также о моде на путешествия, на христианский мистицизм, на магнетизм, либерализм, на конституции, революции и т. д. Так, в письме Н.И. Новикову читаем: «Рассуждения ваши о модах в светской философии весьма справедливы. У нас теперь и Библия в моде; в газетах, в журналах говорят текстами Св. Писания; но лучше ли стали люди? Не вижу того ни в Москве, ни в Петербурге; авось вперёд увидим...» [11, с. 374].

Моде как веянию времени, как чему-то поверхностному, ребяческому

Карамзин противопоставляет (в письме к П.А. Вяземскому, находившемуся в Варшаве и имевшему отношение к составлению польской конституции) историческую традицию, вековой опыт: «...Дать России конституцию в модном смысле есть нарядить какого-нибудь важного человека в гаерское (т. е. шутовское. – Л.С.) платье, или вашего учёного Линде (польский историк. – Л.С.) учить грамоте по ланкастерской методе. Россия не Англия, даже и не Царство Польское: имеет свою государственную судьбу, великую, удивительную и скорее может упасть, нежели ещё более возвеличиться. Самодержавие есть душа, жизнь её, как республиканское правление было жизнью Рима» [10, с. 60].

Когда противник политических идеалов молодой Германии Август Коцебу настроил против себя сторонников демократии и был заколот Карлом Людвигом Зандом в Мангейме 23 февраля 1819 года, Карамзин саркастически заметил, как опасно в их век соответствовать духу времени, моде: «...Коцебу зарезан в Мангейме студентом за его немодный образ мыслей» [8, с. 259].

Выражение «дух времени» становится актуальным для историографа. Он использует его и всерьёз (запись в дневнике Н.И. Тургенева о том, что Карамзин советует «читать Шатобрианову книгу о *Duc de Berry*, ибо такие книги, будучи произведением времени и обстоятельств, показывают и дух времени, и существо обстоятельств») [25, с. 238], и иронически (письмо Карамзина к П.А. Вяземскому, где говорится о выгодной женитьбе Н.И. Кривцова и полученных им от государя субсидиях и губернаторского места на выбор:

«Здесь завидуют и смеются *в духе времени*. <...>») [10, с. 103] (ср. у Грибоедова: «...Ведь нынче кто не шутит»).

Приметой времени оказывается не только обычай «шутить и век шутить» (Грибоедов), но и политический террор. Сообщая Дмитриеву об убийстве герцога Беррийского, Карамзин пишет 2 февраля 1820 г.: «Каков век!» [8, с. 282–283].

Как опасное поветрие воспринимаются следующие одна за другой европейские революции. Карамзин пишет Дмитриеву: «...Поздравляю с новой революцией (португальской). Скоро ли пройдёт эта мода? Или мы пройдем скорее, т. е. уйдём от всех революций в долину Иосафатову?» [8, с. 294].

Устойчивые метафорические выражения «дух времени», «ветер времени» содержат в себе, кроме исторического своеобразия того или иного периода, идею неустойчивости и переменчивости, легковесности этой специфики. Испытывая некоторые сомнения по поводу необходимости раскрытия тайн страшного царствования Иоанна Грозного, Карамзин писал И.И. Дмитриеву: «...мне трудно решиться на издание 9-го тома: в нём ужасы, а цензурю моя совесть. Я говорил об этом с Государем: он не расположен мешать исторической откровенности; но меня что-то останавливает. Дух времени не есть ли ветер? а ветер переменяется» [8, с. 270–271].

В карамзинских письмах выстраивается соответствующий смысловой ряд: время, мода, дух, ветер, буря, петербургская погода, – воплощающий образ мира, управляемого законами “моды” в самом широком смысле слова. Мода у Карамзина, как впоследствии у Гоголя, становится «символом

всеобщего нравственного распада» [27, с. 83], вечной суеты...

В воспоминаниях современников о последнем годе жизни Карамзина тоже запечатлелись подробности, в том числе детали одежды, возымевшие судьбоносное значение. М.А. Корф, автор книги «Восшествие на престол императора Николая I-го» и камердинер Николая Михайловича Владимир Лотин горько сожалеют о некоей случайности, повлекшей за собой трагические последствия, – о подхваченной Карамзиным в день 14 декабря простуде. Он вышел на площадь налегке: по Корфу, без шляпы¹, а по Лотину, – без калош [6, с. 61]. Простуда Карамзина заняла важное место не только в сознании слуги, допустившего промах (не дав Карамзину калош), но и официального историка, повествующего о восшествии на престол императора Николая Павловича.

Тяжёлая болезнь заставила Карамзина подумать о лечении за границей, в тёплом климате Италии. Император снарядил для всего карамзинского семейства фрегат «Елена». Необходимо было также позаботиться о новом гардеробе, и Карамзин обращается к графу Е.Ф. Комаровскому: «...нет ли на ваших фабриках готовых в продажу

¹ «...Государя опять окружала толпа, и опять приближались к Нему разные лица, с изъявлением своей преданности. Между ними был и Карамзин. Он приехал к назначенному во дворце молебствию, и обе Императрицы, жаждавшие всякую минуту известий с места действия, просили его сходить на площадь и узнать ближе, что там происходит. Выйдя вследствие того, как явился во дворец, в пудре, в мундире и шёлковых чулках, Карамзин, надев шубу и тёплые сапоги, но без шляпы, пробрался на бульвар и оттуда, сквозь толпу любопытных, сошёл поклониться Государю <...>» [14, с. 161-162].

чёрных сукон, рублей в 30 аршин. Вы одолжили бы меня, если бы прислали мне ныне или завтра 4 аршина в эту цену» [22, с. 87–88]. Но пошить новый дорожный сюртук Карамзину было уже не суждено. Домашняя одежда стала неизбежным атрибутом болезни. К.С. Сербинович вспоминает о последних днях историографа: «...Николай Михайлович желал дышать чистым воздухом: ему поставили кресло в саду. Он сидел в тёплом шлафроке, на солнце, и говорил мне: “Люблю солнце и греюсь; да оно меня что-то не очень жалует: часто прячется за облака”» [6, с. 189]. Последние недели провёл он в азиатском халате. Таким и застала его приехавшая его навестить императрица Мария Фёдоровна. Она, пишет Карамзин Дмитриеву, «вошла ко мне в комнату, где сижу в своих **халатах Бухар**. <ских>. ... Вообрази движение моих нерв: Она Ангел в дружбе» [8, с. 421]. Домашняя одежда символизирует здесь простоту и теплоту отношений, связывавших историографа и императрицу.

В 1845 году в Симбирске был воздвигнут памятник Н.М. Карамзину, где он изображён в античных одеждах. Скульптурный образ российского историографа в принципе мог быть решён и иначе, в соответствии с пушкинским определением: «Первый историк и последний летописец» – предположим, в облике Нестора, в монашеском одеянии. Однако в восприятии своих первых читателей он чаще соотносился с именами античных историков – Тацит, Ливий, Геродот и др. Поэтому не так уж нелеп был проект Гальберга, подвергшийся критике Н.М. Языкова (он, как известно, писал за границу Н.В. Гоголю 14 декабря 1844 г.: «Не на-

хожу слов выразить тебе мою досаду, что в честь такого человека воздвигают эту вековую бессмыслицу!» [19, с. 401]) и Ф.М. Достоевского, отметившего в записной тетради 1875-1876 гг.: «...В Симбирске на памятнике Карамзину один из барельефов изображает Карамзина, читающего Александру I свою "Историю", оба в древних костюмах, т. е. голые, по крайней мере на 9/10» [16, с. 370].

Дело в том, что общая композиция монумента Карамзину, созданного по первому проекту Гальберга, принципиально соотносится с тематической композицией стихотворений, объединённых идеей памятника («К Мельпомене» Горация, «Памятник» Державина). Сама «пространственная композиция» скульптурного сооружения воплощает тот же самый мотивный комплекс, который образует стихотворные про-

изведения. Помещение бюста Карамзина в нише и вознесение на пьедестал музы истории Клио, опирающейся на скрижали «Истории государства Российского» и держащей в руке трубу славы, выдвигает на первый план идею бессмертия творца в его творениях. Все необходимые компоненты мотивного комплекса, восходящего к античности: бессмертие, его обоснование (заслуги), обращение к музе и вывод о заслуженной славе – представлены в памятнике. Таким предстаёт он взорам зрителей. Однако в карамзинских письмах открывается нам другой – живой – Карамзин, в домашнем азиатском халате, сидящий за рабочим столом своего кабинета в окружении многочисленного семейства. «Азиатский халат» стал для него символом внутренней свободы и обретённой в житейских испытаниях мудрости.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Айхенвальд Ю. Дон Кихот на русской почве. Ч. 1. М., Минск, 1996. 352 с.
2. Ермолаева Н.Л. Архетип халата в русской литературе XIX века // Учёные записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. Казань, 2009. Т. 151. Кн. 3. С. 47-48.
3. Женские парики // Вестник Европы. 1802. № 1. С. 38-40.
4. Карамзин Н.М. Альбом с различными выписками (Стихи, пословицы и др.), 1821 // ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Т. 1. Индекс 567.
5. Карамзин Н.М. Афинская жизнь // Аглая. М, 1796. Изд-е 2-е. Ч. 2. С. 26-60.
6. Карамзин в зеркале мемуаристики. Ульяновск: УлГПУ, 2014. 220 с.
7. Карамзин Н.М. Неизданные сочинения и переписка. СПб.: Тип. Н. Тиблена и К°, 1862. Ч. 1. [2], VI, 240 с.
8. Карамзин Н.М. Письма к И.И. Дмитриеву. СПб.: Императорская академия наук, 1866. 727 с.
9. Карамзин Н.М. Письма к В.М. Карамзину // Атены. 1858. № 4. Кн. 27. С. 56-62.
10. Карамзин Н.М. Письма к князю П.А. Вяземскому (1810-1826) // «Старина и новизна». Исторический сб. Кн. 1. СПб., 1897. С. 1-204.
11. Карамзин Н.М. Письма к Н.И. Новикову // Русский архив. 1890. Кн. 3. № 11. С. 367-375.
12. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника («Литературные памятники»). Л.: Наука, 1987. 718 с.
13. Карамзин Н.М. Соч.: В 2 т. Т. 1. Л.: Художественная литература, 1984. 672 с.
14. Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I-го. СПб., Тип. II Отд. Е. И. В. Канцелярии, 1857. XIV, 236 с.

15. Кулакова И. О халате как атрибуте интеллектуального быта россиян XVIII – первой половины XIX века // НЛО. Теория моды. 2011. № 19 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3121>
16. Литературное наследство. Т. 83. М.: Наука, 1971. 728 с.
17. Лощиц Ю.М. Гончаров. М.: Молодая гвардия, 1977. 352 с.
18. Моторин А.В. Художественное вероисповедание князя Петра Вяземского [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/38764.htm>
19. Переписка Н.В. Гоголя: В 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1988. 527 с.
20. Погодин М.П. Н.М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Ч. 1–2. М.: Типография А.И. Мамонтова, 1866. 505 + II +25 с.
21. Пушкин А.С. Воспоминания. Карамзин <Из автобиографической прозы> 1826 // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.: АН СССР, 1935-1959. Т. 12. С. 306.
22. Пушкин и его современники. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1909. Вып. 11. 130 с.
23. Рассадин А.П. Из рода Обломовых (Н.М. Языков и И.А. Гончаров) // И.А. Гончаров (Материалы международной конференции). Ульяновск: Стрелец, 1994. С. 156–159.
24. «Семиотика поведения и литературные стратегии» // НЛО. 2015. № 2 (132) [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/132/48l.html>.
25. Тургенев Н.И. Дневники и письма Н.И. Тургенева. СПб.: Императорская академия наук, 1911–1921. Т. III. 510 с.
26. Халат как зеркало эпохи: халатная тема в русской литературе XIX века [Электронный ресурс]. URL: school8.admsurgut.ru/win/download/905/.
27. Чинция де Лотто. Гоголь: одежда и мода // Гоголь как явление мировой литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 400 с.

REFERENCES

1. Aikhenval'd YU. Don Kikhot na russkoi pochve. CH. 1 [Don Quixote on Russian soil. Part 1]. М., Minsk, 1996. 352 p.
2. Ermolaeva N.L. Arkhetip khalata v russkoi literature XIX veka [The archetype of the robe in Russian literature of the XIX century] Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Scientific notes of Kazan state University. Humanities]. Kazan, 2009. pp. 47–48.
3. Zhenskie pariki [Womens wigs] // Vestnik Evropy [Europe Bulletin]. 1802. no. 1. pp. 38–40.
4. Karamzin N.M. Al'bom s razlichnymi vypiskami (Stikhi, poslovitsy i dr.) [Album with various statements (Verses, Proverbs, etc.)] GARE. F. 728. Op. 1. T. 1 [SARE. F. 728. Op. 1. Vol. 1]. The index, 1821.
5. Karamzin N.M. Afinskaya zhizn' [Athenian life] Aglaya [Aglaia]. М., 1796. pp. 26–60.
6. Karamzin v zerkale memuaristiki [Karamzin in the mirror of memoirs]. Ulyanovsk, UIGPU, 2014. 220 p.
7. Karamzin N.M. Neizdannye sochineniya i perepiska [Unpublished writings and correspondence]. М., Tip. N. Tiblena i K , 1862.
8. Karamzin N.M. Pis'ma k I.I. Dmitrievu [Letters to I. I. Dmitriev]. SPb., Imperatorskaya akademiya nauk, 1866. 727 p.
9. Karamzin N.M. Pis'ma k V.M. Karamzinu [Letter to V. M. Karamzin] // Atenei. 1858. no. 4. B. 27. pp. 56–62.
10. Karamzin N.M. Pis'ma k knyazyu P.A. Vyazemskomu (1810-1826) [Letter to Prince P. A. Vyazemsky (1810-1826)] // Starina i novizna. Istoricheskii sb. Kn. 1 [Antiquity and novelty. Historical collection. Book. 1]. SPb., 1897. pp. 1–204.

11. Karamzin N.M. Pis'ma k N.I. Novikovu [Letters to N.I. Novikov] // Russkii arkhiv. 1890. no. Kn. 3. № 11. pp. 367–375.
12. Karamzin N.M. Pis'ma russkogo puteshestvennika («Literaturnye pamyatniki») [Letters of a Russian traveler (“Literary monuments”)]. L., Nauka, 1987. 718 p.
13. Karamzin N.M. Soch.: V 2 t. T. 1 [Works: In 2 vol. Vol. 1]. L., Khudozhestvennaya literatura, 1984. 672 p.
14. Korf M.A. Vosshestvie na prestol imperatora Nikolaya I-go. [The ascension to the throne of Emperor Nicholas I-th.]. SPb., Tip. II Otd. E. I. V. Kantselyarii, 1857.
15. Kulakova I. O khalate kak atribute intellektual'nogo byta rossiyan XVIII – pervoi poloviny XIX veka [About the robe as the attribute of the intellectual life of the Russians in XVIII – first half XIX century] // NLO. Teoriya mody. 2011. no. 19. [Electronic resource] URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3121>.
16. Literaturnoe nasledstvo. T. 83 [Literary legacy. Vol. 83]. M., Nauka, 1971. 728 p.
17. Loshchits YU.M. Goncharov [Goncharov]. M., Molodaya gvardiya, 1977. 352 p.
18. Motorin A.V. Khudozhestvennoe veroispovedanie knyazya Petra Vyazemskogo [Elektronnyi resurs]. [Artistic creed of Prince Pyotr Vyazemsky [Electronic resource].] URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/38764.htm> (request date)
19. Perepiska N.V. Gogolya: V 2 t. T. 2 [Gogol: In 2 vol. Vol. 2]. M., Khudozhestvennaya literatura, 1988. 527 p.
20. Pogodin M.P. N.M. Karamzin po ego sochineniyam, pis'mam i otzyvam sovremennikov. CH. 1–2. [Karamzin in his works, letters and contemporaries. Parts 1–2.]. M., Tipografiya A.I. Mamontova, 1866.
21. Pushkin A.S. Vospominaniya. Karamzin. Iz avtobiograficheskoi prozy. 1826 [Memories. Karamzin. From authobiographic prose. 1826] // Pushkin A.S. Poln. sobr. soch.: V 16 t. [Pushkin A. S. Compl. coll. works.: In 16 vol.]. M., AN SSSR. 306 p.
22. , Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk, 1909. 130 p.
23. Rassadin A.P. Iz roda Oblomovykh (N.M. YAzykov i I.A. Goncharov) [From Oblomov] I.A. Goncharov (Materialy mezhdunarodnoi konferentsii) [I. A. Goncharov (the Materials of international conference)]. Ulyanovsk, «Strezhen'», 1994. pp. 156–159.
24. Semiotika povedeniya i literaturnye strategii [Semiotics of behaviour and literary strategies] [Electronic resource] // NLO. 2015. no. 2 (132) [Website] URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/132/48l.html>.
25. Turgenev N.I. Dnevnik i pis'ma N.I. Turgeneva. T. III [Diaries and letters of N.I. Turgenev. Vol. III]. SPb., Imperatorskaya akademiya nauk. 510 p.
26. Khalat kak zerkalo epokhi: khalatnaya tema v russkoi literature XIX veka [Elektronnyi resurs]. [Robe as a mirror of the times: careless theme in Russian literature of the XIX century [Electronic resource].]. URL: school8.admsurgut.ru/win/download/905/
27. Chintsiya de Lotto. Gogol': odezhda i moda // Gogol' kak yavlenie mirovoi literatury [Cinzia de Lotto. Gogol: clothes and fashion // Gogol as a phenomenon of world literature]. M., IMLI RAN, 2003. 400 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сапченко Любовь Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова,
e-mail: ssj-sla@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sapchenko Liubov – doctor of Philological Sciences, associate professor, professor of the Department of Russian, literature and journalism of the Ulyanov Ulyanovsk State Pedagogical University,
e-mail: ssj-sla@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Сапченко Л.А. Халат Карамзина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 2. С. 89-101.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-2-89-101

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Sapchenko L. Karamzin's Bathrobe // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no 2. pp. 89-101.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-2-89-101